

ОТ СУБЪЕКТА К СУБЪЕКТНОСТИ: БИОГРАФИЯ И ТОПОГРАФИЯ¹

В современном академическом мире можно наблюдать замену термина «субъект» на термин «субъектность». Это далеко не только научно-академическая тенденция, отражающая очередную смену парадигм понятийно-категориального аппарата в гуманитарных науках. Это общекультурная тенденция. Что же происходит с современным человеком, почему обезличенное обращение «субъектность» по отношению к нему стало возможным?

В историко-философском ключе делёзовская «субъектность» появляется через утверждение универсальной индивидуальности и рассеивающейся личности Сократа, фигуры индивидуации «Опытов» Монтеня, картезианского Cogito, лебницевскую личность и ее манифестацию в «Исповеди» Руссо. В терминологической истории «индивид» раскрывается в классическом дискурсе, «личность» в посткантовском, «субъект» в психоаналитическом, «субъектность» в постмодернистском.

«Субъектность» - новая категория и предпосылка, вспоминая и говорящая, принимающая и воспроизводящая, потребляющая и отдающая. Если топографически рассматривать индивида Декарта и субъектность современности, то можно наблюдать, что картезианское корневое «Я» рассредоточено в ризоматической поверхности смыслов. Теоретический метод топологической рефлексии в рассмотрении субъекта и субъектности оправдан применяемым на практике методом «карты маршрутов» при изучении психической деятельности детей. «Ребенок непрестанно говорит о том, что он делает или пытается делать: обследовать окружающие миры на динамичных маршрутах и набрасывать их карты. Карты маршрутов – существенная часть психической деятельности». [1.С.87] Маршрут сливается не только с субъектностью тех, кто проходит по окружающему миру, но и с субъектностью самого мира.

Карта выражает тождественность пути намеченного и пройденного. Контур желая маршрута и совершённого пути совпадают или расходятся в заливах воображаемого и реального. Ничего нет более показательного и поучительного, говорит Ж. Делёз, чем линии брожения и петли на картах детей, страдающих аутизмом. Картография – схематичный предел воображаемого, в фокусе которого располагается виртуальный образ, прикрепленный к реальному объекту. Воображаемое и реальное –

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-03-00279а «Медиальный образ традиционных конфессий в современной России»

отрезки одной траектории не только географической, но и биографической карты индивида: реальное отображается в воображаемом, в то время, как воображаемое «удостоверяет свою реальность»(М.Пруст).[6.С.23]

Картографическая концепция психоанализа пересекается с топографической концепцией современной философии. Карта для психоанализа – это направление, местность, смещения: «Каждая карта - это перетасовка тупиков и прорывов, порогов и заграждений».[1.С.90] Карта для современной философии – это ожидания и проекты, места и пределы. И подобно тому, как карту событий и неврозов в психоанализе движений и маршрутов нельзя рассматривать в качестве одной производной схемы «родители-ребенок», так и карту философии нельзя рассматривать как производную одного события или явления. Карту вообще нельзя рассматривать в спектре производной, чаще всего это не следствие, а причина, которая вершится «здесь» и «сейчас».

Корневое Его или сетевая субъектность - это не только маршрут, но и его осуществление, - становление: «Становление поддерживает маршрут, как интенсивные силы поддерживают силы движущие».[1.С.88] Проекты переходят в реальность маршрутов и туров.

Карта как проекция соединяет в себе пунктиры ожиданий (воображаемые) и реализованные туры (реальная местность) в биографии каждого. Мы наносим пунктиры карт подобно тому, как топос наносит пунктиры нашей биографии.

Об особой роли топоса в становлении субъектности, в творении собственной биографии писал философ, работавший на границе психологии и философии. В этом запредельном для обеих сторон мышлении родилась экзистенциальная философия. Карл Ясперс говорит о влиянии ландшафта на становление ментальности народов и мировоззрения отдельных индивидов. Современный российский исследователь А.В.Перцев в последней своей книге «Рождение экзистенциализма из пены психоанализа» ссылается на Ханса Занера, который убежден не только в том, что «экзистенциализм возникает от созерцания болот в молодости», [5] но и в том, что взгляды Ясперса являются собой отражение болотистого ландшафта его детства и юности: «Карл Ясперс происходит из Ольденбурга, лежащего неподалеку от побережья Северного моря. Ландшафт Севера наложил двойной отпечаток на его ум и вошел в его произведения, написанные позже. Болотистая равнина...оставляет открытой всю широту горизонта, а море перетекает в бесконечность. Открытость со всех сторон как свойства истины нашего разума». [5] Петербургский историк философии А.Я.Кожурин [3.С.72-79] также однонаправленно связывает ментальность с ландшафтом.

Рассуждения молодого Ф.Энгельса поддерживают гипотезу о связи пейзажа страны и мировоззрения народов: «Эллада – страна пантеизма. Все ее ландшафты охвачены...рамками гармонии. Каждая отдельная часть природы в своей прекрасной завершенности претендует на собственного бога, каждая река требует своих нимф, каждая роща – своих дриад; так создавалась религия эллинов».[4.С.74] В свою очередь, пейзаж долины Рейна представляется Ф.Энгельсу воплощением христианства: небо склоняется к земле как дух погружается в материю. Скучная растительность северогерманской равнины – воплощение иудаизма. Пейзаж Голландии располагает к кальвинизму – вере, сопряженной с расчетом.

К. Ясперс говорил, что созерцание родных ландшафтов сформировало его как мыслителя: «Ничего, кроме неба, горизонта и того места, где я стою».[5.С.15] Известны схожие позиции философов других направлений и взглядов. К примеру, письма о.Павла Флоренского: «Многие позднейшие религиозно-философские убеждения вышли не из философских книг, а из детских наблюдений и, может быть, более всего – из характера привычного мне пейзажа. Это напластования горных пород...Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его – стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность к горизонтали».[7.С.99] Это тоже подтверждение топографического способа формирования убеждений и биографии.

Какой пейзаж окружает обычного современного человека? Чаще всего это похожие друг на друга города, с гостиницами и сетевыми пищевыми точками и магазинами. Типичные, один к одному. Типика определяет топику. С одной стороны, везде можно чувствовать себя как дома, с другой стороны, поиск дома приводит к ответу, что дома на самом деле нигде нет. Нет вертикальных горных пород с наслоениями смыслов, но есть разомкнутая вширь сетка значений и знаков, образов, адресов и рекламы.

Как и поверхность мегаполиса, поверхность субъектности бесконечно широка: «бестелесный предел, когда симулякры перестают быть подпольными мятежниками и производят большую часть своих эффектов», [1.С.17] снимая оппозицию тайное/явное. Эффектным в современном мире должно стать всё, иначе не увидят, не заметят, не подтвердят существование. Внешность, имидж, фасад, представление, реклама, олимпиада, клип, новости, шоу, появление, доклад, уход. Глубина снимается поверхностью, и это перестает быть антиномией, дихотомией, тайной, так как второго дна никто не ищет, а подтекста никто не ожидает. Современная культура снимает оппозиции, поскольку любая оппозиция - это предел, выстраивающий полярность. Такие пределы Ж.Делёз называет «мембранами»: «Благодаря мембранам внутреннее и внешнее, высота и

глубина обретают биологическую ценность в топологической поверхности контакта».[1.С.140]

Ж. Делёз через время отвечает П. Верлену, который некогда писал, что «нет ничего более глубокого, чем кожа», своей фразой: «Нет ничего более хрупкого, чем поверхность». Кожа покрывает большой объем поверхности жизни. Жильберт Симондон: «Живое живет на пределе самого себя, на собственном пределе. Характерные для жизни полярности пребывают на уровне мембраны».[1.С.142] Ровно, как обширная поверхность мыльного пузыря обусловлена своей хрупкостью. Ж. Симондон формулирует характеристики трансцендентального поля: потенциальная энергия, внутренний резонанс серий, топологическая поверхность мембран, организация смысла, статус проблематичности.

Все названные характеристики применимы для топосасубъектности: субъектность обладает потенциальной внутренней энергией резонанса, образующей в организации смысла проблемное поле, существующие на поверхности мембраны.

Современная субъектность подобна мембране. Это утверждение еще более точное, чем сравнение с ризомой. Ризома все-так и предполагает корневую систему, а мембрана – это чистая поверхность. Делёз в «Логике смысла» выводит формулу: Ризома=Топос+Эон, где Топос – пространство монадического распределения сингулярностей, Эон – время распада данного пространства на подпространства.

Так осуществляется пространственно-временная самодетерминация проблемы. Признать статус проблематичности значит признать онтологию феномена, становящегося явлением. Ж. Делёз говорил не столько об онтологии, сколько о метафизике поверхности. Субъектность как мембрана – континуум – топос, или «место смысла выражения».[1.С.168] Более того, сам смысл Делёз определяет как то, что формируется и разворачивается на поверхности. Образно выражаясь, современная культура уже не говорит об упавших на дно Дионисе или поднявшемся ввысь Аполлоне. Герой современной культуры – Геракл на поверхности, «ведущий сражение на двух фронтах – как против глубины, так и против высоты: полная переориентация мысли и новая география».[1.С.175]

Принципиальная граница на поверхности сместилась. Она более не проходит «между»: между публичным и приватным, универсальным и частным, лицевой и изнаночной, субстанцией и акциденцией, сценой и закулисьем, зеркалом и зазеркальем. «За занавесом ничего нет, кроме безымянных смесей», [1.С.177] а поверхность подобна «запотевшему стеклу, где можно писать пальцем». [1.С.177] На поверхности не производится десигнация и сигнификация. Только манифестация. Семиотические

исследования позволяют любое явление культуры рассмотреть в качестве социальной коммуникации, являющейся знаковой системой со своим кодом. Акт коммуникации, как любое суждение и сообщение, рассматривается Делёзом в трех отношениях: денотация (индикатор-указание), сигнификация («связь слова с универсальными понятиями») и манифестация коммуникации, как любое суждение и сообщение, рассматривается Делёзом в трех отношениях: денотация (индикатор-указание), сигнификация («связь слова с универсальными понятиями») и манифестация – «связь между предложением и субъектом, который говорит и выражает себя». [2.С.95-98]

На поверхности, как некогда у Ясперса рождалась подлинная коммуникация, у Ж. Делёза рождается чистый смысл: «Поверхность, где создается пустота, а вместе с ней и всякое событие, граница подобна лезвию меча или натянутой тетиве лука». [1.С.181]

Смысл события придает новое расчленение образа. Событие, как и идентификация субъекта, может быть еще не свершено и не развернуто. Оно может быть в процессе разворачивания или даже выворачивания. Самым большим событием современности является становление медийной культуры, которая в своей поверхности также снимает зазор «между»: публичным и приватным, универсальным и частным, оригиналом и копией. Все выворачивается и разворачивается на поверхности экрана или газетной полосы. Пришло время говорить не о симулякрах, а об эффектах, ведь в самой природе медиа есть нечто аффективное.

Итак, понятие «субъектность» стало возможным в современной культуре и философии, поскольку карты намеченных и пройденных маршрутов сливаются в урбанизированном типичном топосе. Сетевая субъектность формируется городским и медиа-пространством, связь между которыми подтверждается исследовательским методом топологической рефлексии. Современная субъектность постепенно утрачивает корневую систему, выстраивая сеть смыслов в поверхностной мембране. Это касается не только фрагментарных, поверхностных, обрывочных знаний о мире и о себе. Мембрана как «место смысла выражения», одновременно является топосом манифеста. Эффектное предъявление себя становится ключом эффективности реализации в любой сфере: социальной, повседневной, профессиональной.

Субъектность не стоит рассматривать аксиологически, это онтологически самостоятельная единица, как и само медиапространство, бесконечно завоевывающие новые территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академ. Проект, 2010.
2. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998.

3. Кожурин А.Я. Ландшафты естественные и городские//Философия детства и проблемы современного города. Материалы IX международной конференции «Ребенок в современном мире. Дети и город».СПб: Изд-во СПбГТУ, 2002.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.41.
5. Перцев А.В. Рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб: РХГА, 2012.
6. Пруст М. Смерть Бальдассара Сильванда, виконта Сильвани.//Утехи и дни. М., СПб: Летний сад, 2000.
7. Флоренский П.А.. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М.,1992.